

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРМЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ В ХРЕСТОМАТИИ ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В. Я. БРЮСОВА

ВАРТАН ГРИГОРЯН

Связи В. Я. Брюсова с армянской литературой и, в частности, со средневековой армянской поэзией, изучены достаточно широко и подробно. Однако исследователями почти не рассматривался вопрос о том, какое место отводил ей В. Брюсов в рамках мирового литературного процесса, в истории мировой литературы. Причина, на наш взгляд, заключается в том, что вообще мало известно о существовании созданной В. Брюсовым оригинальной панорамы развития всемирной поэзии, теснейшим образом связанной с его культурно-исторической концепцией, несмотря на то, что сама концепция в целом изучена в работах П. Н. Беркова, А. А. Галустова¹ и других. Лишь в работе В. В. Рогова «О цикле стихотворений Брюсова «Сны человечества»² есть указание, что данное произведение представляет также эволюцию мировой поэзии.

Прежде всего необходимо выяснить, к какому культурному региону относил В. Брюсов культуру средневековой Армении. Ответ на этот вопрос дан им самим: он считал средневековую армянскую культуру неотъемлемой частью культуры Передней Азии и, таким образом, рассматривал поэзию армянского средневековья в тесной связи с классической восточной поэзией, под которой традиционно подразумевалась и подразумевается до сих пор средневековая поэзия народов Ближнего и Среднего Востока. Высоко оценивая в художественном и содержательном плане лирику восточных классиков, В. Брюсов отмечал, что армянская поэзия этой эпохи участвовала в создании особого поэтического стиля, «который стал характерным как для арабов и персов, так и для поэзии армянского средневековья»³. Именно из этой посылки мы должны исходить, определяя место, отводимое В. Брюсовым армянской средневековой поэзии в истории всемирной литературы.

Широко известно, что к концу 10-х гг. нашего века В. Брюсов в ряде своих работ затронул проблему восточного Ренессанса, предва-

¹ П. Н. Берков, Проблемы истории мировой культуры в литературно-художественном и научном творчестве Валерия Брюсова («Брюсовские чтения 1962 года», Ереван, 1963); его же, Проблема национальной культуры в понимании В. Я. Брюсова («Брюсовские чтения 1966 года», Ереван, 1968); А. А. Галустов, В. Я. Брюсов и некоторые вопросы истории древнего мира («Брюсовские чтения 1962 года»).

² «Брюсовские чтения 1971 года», Ереван, 1973.

³ В. Брюсов, Собрание сочинений в семи томах, 1973—1975, т. VII, М., 1975, с. 223.

рившего хронологически и качественно европейское Возрождение⁴. Эту догадку он стремится обосновать поэтическими фактами, т. е. в создаваемой им хрестоматии мировой поэзии, заключающей в себе поэтические произведения всех времен и народов, каковой и являлось произведение «Сны человечества». И, пожалуй, именно в *плане* отведения средневековой восточной лирике столь важного места Брюсовская хрестоматия мировой поэзии приобретает наибольший интерес и даже научную ценность.

Всесторонний и глубокий интерес европейской научной мысли XIX в. к истории и культуре Востока, приведший к открытию древнейших цивилизаций Египта, Ассирии, Вавилона и расшифровке письменных памятников этих народов, породил в свою очередь большой интерес к культуре средневекового Востока, являвшейся наследницей древнейшей культуры, и перед европейскими учеными, естественно, возникла проблема освещения места и роли средневекового Востока в истории всемирной культуры и, соответственно, литературы.

Конечно, практически все историки литературы пытались создать всемирную литературную периодизацию на основе европейской, включая в нее литературы Востока, что в принципе делается и сейчас, поскольку теоретические основы гуманитарных наук сложились в процессе изучения истории и культуры народов Европы, а общность законов исторического развития культуры всех народов (в том числе и литературы), выяснившаяся с несомненностью, позволяет с полным правом на основе этих теоретических положений изучать историю и культуру народов всех регионов. Однако европоцентризм, характерный для большинства работ, даже для тех, в которых признавался вклад средневекового Востока в мировую культуру, не позволял полностью исследовать их и оценить. Примерами могут служить трехтомная «История мировой литературы» К. Буссе⁵, труд Ш. Летурно «Литературное развитие различных племен и народов»⁶, «Беседы по истории всеобщей литературы»⁷. Ф. де Ла Барта, признававших на словах значение восточного средневековья, но на деле опускавших его. При этом практически во всех историях мировой литературы конца XIX—начала XX вв. средневековая восточная литература либо представлена крайне ограниченно, либо вообще не представлена. И, к сожалению, везде отсутствует качественная характеристика классической восточной лирики, по уровню развития достигшей огромных художественных высот.

Как же подошел к решению этого вопроса В. Брюсов? Его «Сны человечества», являясь цельным художественным произведением, в то же время отражают историю развития мировой поэзии; композиция «Снов», полностью соответствующая основным положениям его куль-

⁴ Там же, сс. 222, 225, 436.

⁵ К. Буссе, История мировой литературы, т. 1—3, СПб., 1913—1914.

⁶ Ш. Летурно, Литературное развитие различных племен и народов, СПб., 1895.

⁷ Ф. де Ла Барт, Беседы по истории всеобщей литературы, М., 1914.

турно-исторической концепции о прогрессивном характере движения общечеловеческой культуры, дает довольно четкое представление о том, какое место отводил В. Брюсов в мировой литературе литературам средневековых восточных народов.

В процессе работы именно над «Снами», опираясь на литературные факты, свидетельствующие о том, что в эпоху средневековья восточная поэзия, в том числе и армянская, стояла намного ближе к художественным завоеваниям Возрождения, нежели европейская, В. Брюсов нашел доказательства своей догадке об огромном значении восточной средневековой культуры для грядущего взлета общемировой культуры. Характеризуя помещенное в редактируемом им сборнике «Поэзия Армении» произведение К. Ерзынкаци «Весна», В. Брюсов пишет: «...Вся эта поэма исполнена духом почти языческим, дышит необузданным веселием бытия... По силе, по энергии стиха и языка поэма сделала бы честь любой литературе Западной Европы того века, и Европе даже нечего ей противопоставить. А по духу, проникающему поэму, она всеми своими частями принадлежит великому веянию Возрождения, которое тогда едва занималось над передовыми странами Запада...»⁸.

Образцы средневековой лирики составляют в количественном отношении больше трети всего объема «Снов», и очень знаменательно, что из общего их числа (30 стихотворений) лишь три представляют европейскую поэзию. Таким образом, средневековая поэзия представлена в основном восточной лирикой, что по замыслу В. Брюсова должно было подчеркнуть ту роль, которую сыграла восточная культура, в частности, поэзия этой эпохи в истории мировой культуры. «Сны» со всей очевидностью доказывают, что в средние века именно в созданиях восточной лирики мировая поэзия получила новый толчок к развитию. Несомненно, что античная культура не могла сама по себе пробить почти тысячелетний мрак европейского средневековья и дать начало высокохудожественным произведениям эпохи Возрождения. А изучение мировой поэзии, которая, согласно эстетическим взглядам В. Брюсова, являлась наиболее полным выразителем «духа народа», составляющего основу той или иной культуры, подтвердило еще одну догадку В. Брюсова, что художественное наследие Греции и Рима было передано Европе средневековым Востоком, принявшим эстафету от античных народов, сохранившим и, в свою очередь, развившим и обогатившим их наследие.

Восточная классическая поэзия выступает в «Снах человечества» в теснейшей связи с поэзией как предшествующих, так и последующих эпох. Если основные чувства и переживания, составляющие самую суть лирики любого народа и разработанные еще в глубокой древности, едины во все времена, то В. Брюсов стремится показать в своих переводах и подражаниях то ценное и значительное, что дала мировой ли-

⁸ В. Брюсов, т. VII, с. 225.

рике восточная средневековая поэзия в области выражения этих чувств. Глубокая образность, ярчайшая метафоричность, символичность, изощренность формы—эти и другие художественные особенности классической восточной лирики стали определяющими для мировой поэзии всех последующих времен. Другая важнейшая особенность восточной поэзии, переданная В. Брюсовым в «Снах человечества»,— это ее глубокая органичная связь с природой, характеризующаяся непременно передачей всех чувств и переживаний посредством утонченных аналогий с явлениями природы, слиянием духовного мира поэта с окружающим его миром красоты.

Ориентальная классика представлена в «Снах» следующим образом: четыре четверостишия и две газели в разделе «Персия», одно стихотворение (часть касыды)— в разделе «Арабы», и одна народная песня и два подражания ашугам в разделе «Армения». В этих нескольких произведениях отражены все основные формы поэтического творчества народов этого региона— касыда, четверостишие, газель, песни ашугов, как специфическая поэтическая форма, распространенная на Востоке, и, конечно, народная песня. Естественно, что представлял В. Брюсов эти формы на примерах, в которых они нашли наиболее полное воплощение своих основных художественных особенностей, т. е. на наиболее типичных. Но если арабскую и персидскую поэзию представляют касыда, четверостишие и газель с их строго установленными формами и устоявшимися художественными особенностями, то народные песни, избранные В. Брюсовым в качестве образцов армянской поэзии, преследовали особую цель: показать все богатство художественно-образительных средств поэзии, типа поэтического мышления народа и даже целого культурного региона в формах, не закрепощенных традиционными требованиями, а свободных; и совершенно не случайно, что в качестве таковых он остановился именно на армянских народных песнях, о которых писал: «Знакомясь с армянскими песнями, порой едва веришь, что это не тонко обдуманное создания какого-нибудь позднейшего поэта, искусного в стихотворной технике, пока не узнаешь, что эти песни поныне поет народ на плоскогорьях под Араратом, в долинах Аракса, в горных деревнях древней Айастан...»⁹.

Тематика армянских народных песен полностью соответствует центральным, сквозным темам «Снов человечества» (что и позволяет в конечном счете считать «Сны» цельным произведением, а не просто антологией мировой поэзии), отражающим основные, «вечные» темы мировой поэзии,— теме любви и теме суетности жизни. Любовными являются стихотворения «Армянская народная песня» (1916) и первое стихотворение из «Подражаний ашугам» (1916)— «О злая, с черной красотой! О дорогая! ангел мой!»; второе— «Как дни зимы, дни неудач недолго тут: придут-уйдут» (1916)— целиком посвящено размышлениям о смысле жизни, преходящести, бренности всего живого,

⁹ Там же, с. 213.

неизбежности смерти, т. е. отличается характернейшими философскими размышлениями средневековой восточной лирики:

«Всему есть свой конец, не плачь!— Что бег минут:
 придут-уйдут.
 Тоска потерь пусть мучит нас, но верь, что беды лишь
 на час:
 Как сонм гостей, за рядом ряд, они снуют: придут-уйдут.
 Обман, гонение, борьба и притеснение племен,
 Как караваны, что под звон в степи идут: придут-уйдут»¹⁰.

Следует особо отметить употребление В. Брюсовым в этом стихотворении *редифа* «придут-уйдут», который полностью соответствует той содержательной функции, какую он играл в произведениях восточных классиков— функции *рифмы смысла*.

В словосочетании «придут-уйдут» сосредоточена главная мысль стихотворения— о недолговечности всего земного.

Примером более четкого определения значения художественных завоеваний армянской поэзии могут служить стихотворения «Армянская народная песня» и «О злая, с черной красотой...», в которых В. Брюсов воспроизвел не только чувства влюбленного юноши, что является содержанием многих армянских народных песен, не только восточный гиперболизм устойчивых метафор, традиционных фольклорных приемов поэзии ашугов. Все это, воссоздавая содержание и формы народной песни, лишь оттеняет главную направленность брюсовского перевода— выявление народно-поэтической специфической формы мышления и чувства. Именно ее имел в виду В. Брюсов в своем широко известном высказывании: «В народной песне— все, начиная с языка, своеобразно, единственно, неповторимо. Не довольно сохранить содержание, мысли, образы: при всей точности перевода может отлететь что-то невыразимое, составляющее основную прелесть народной песни»¹¹. В этой связи особое значение приобретает то огромное внимание, которое уделил В. Брюсов в «Снах», и особенно в армянских народных песнях, входящих в состав этого произведения, *традиционным образам*, которые справедливо считаются важнейшими элементами восточной поэтики,— эмблематическим сравнениям, метафорическим уподоблениям, многозначным символическим фигурам,— и во многом определяют ориентальный колорит. Можно выделить из восточных произведений длинный ряд традиционных образов, в которых выкристаллизовалась суть тех понятий, которые живут в национальном народном сознании, а затем поэтизируются художниками, становясь достоянием поколений. Но, конечно, в наиболее непосредственной, «прямой» форме сохраняются эти традиционные образы в народных пес-

¹⁰ Там же, т. II, 1973, с. 340—341.

¹¹ Там же, т. VII, с. 214.

нях, отличающихся большей устойчивостью словесных формул, поэтических штампов. Крупные поэты, отражающие обязательно в своем творчестве традиционные народные устойчивые образы, вместе с тем тяготеют к оригинальному, своеобразному их воплощению, изменению и разнообразию. Вот почему наиболее яркие традиционные устойчивые образы мы встречаем именно в армянских народных песнях, переведенных В. Брюсовым, сохранившим в них все богатство элементов и форм национального поэтического сознания. Тематическое единство обеих любовных песен, переведенных В. Брюсовым, позволяет определить общность многих традиционных образов, устойчивых эпитетов, сравнений и т. д., составляющих художественную ценность этих произведений в рамках «Снов».

О том, насколько точно брюсовские переводы отражают некоторые формальные особенности оригинала, можно судить по той характеристике, которую В. Брюсов в очерке «Поэзия Армении» дал как форме, так и содержанию армянских народных песен: «Обладая обычными достоинствами народного творчества,— безыскусственностью, непосредственностью, меткостью эпитетов,— армянская песня поражает, кроме того, особой изысканностью словесного выражения...»¹².

В связи с этим нельзя не заметить и одну из композиционных особенностей армянских народных песен, отраженную В. Брюсовым в переводах. Речь идет о повторяемости отдельных выражений и даже целых стихов, то есть о системе эпистроф. В. Брюсова привела в восторг композиция оригинала, например, стихотворения «О злая, с черной красотой!...», относительно которого он заметил, что в ней «...утонченность самого построения, особого рефрена с повторением только что сказанных слов, сделала бы честь любому мастеру стиха наших дней...»¹³.

«Как жжет меня моя любовь! о дорогая, жжет любовь!
Твой лоб так бел, но сумрак—бровь! о дорогая—сумрак
бровь!

Твой взор—как море, я—ладья! о дорогая, я—ладья.
На этих волнах—чайка я! о дорогая, чайка—я»¹⁴.

Вновь и вновь указывая на органическую близость средневековой армянской поэзии к восточной классике, отмечая, что она «восприняла многие приемы, обычные во всей восточной поэзии»¹⁵, В. Брюсов вместе с тем особо подчеркивает ее «особый статус», определяемый художественными особенностями: «Армянской песне чужда преувеличенная чувственность восточных песен... При всей своей страстности армянская песня целомудренна; при всей пламенности—сдержанна»

¹² Там же, с. 213.

¹³ Там же, с. 214.

¹⁴ Там же, т. II, с. 340.

¹⁵ Там же, т. III, 1974, с. 543.

выражениях. Это—поэзия, по-восточному цветистая, по-западному мудрая... А особое изящество форм и оригинальность подхода к каждому замыслу позволяют назвать армянскую народную поэзию песнями народа-художника»¹⁶.

Представленная в хрестоматии высокохудожественными произведениями, армянская средневековая поэзия выступает не только как часть классической восточной поэзии, давшей мировой культуре много бесценных художественных открытий, но и в качестве особого связующего звена, передающего эти открытия накануне европейского Возрождения из Азии в Европу и выполняющего тем самым, по глубочайшему убеждению В. Брюсова, свою историческую миссию примирения «в высшем единстве ...начал Запада и Востока»¹⁷. И еще раз приведем высказывание великого друга армянского народа и крупнейшего знатока ее поэзии: «Сквозь черные тучи, столько раз заволакивающие горизонт армянской истории, сквозь грозную и душную мглу, столько раз застилавшую жизнь армянского народа, победно пробивались и сияют поныне огненные лучи его поэзии. Это сияние кажется нам лучшим обетом и для исторических судеб Армении в будущем... Мы можем сказать с полным убеждением: «Нельзя верить, чтобы такая поэзия не была дана народу с великим будущим»¹⁸.

ՀԱՅ ՄԻՋՆԱԿԱՐՅԱՆ ՊՈԵԶԻԱՆ Վ. ԲՐՅՈՒՍՈՎԻ ՀԱՄԱՇԽԱՐՀԱՅԻՆ ԿՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԲՐԵՍՏՈՄԱՏԻԱՅՈՒՄ

ՎԱՐԴԱՆ ԳՐԻԳՐՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու լ մ

Վ. Բրյուսովի ամենախոշոր ստեղծագործություններից մեկը՝ «Մարդկության երազներ» ժողովածուն, ընդգրկում է «բոլոր ժամանակների և բոլոր ժողովուրդների» բանաստեղծությունները և արտացոլում է հնդինական հայացքները համաշխարհային գրականության պատմության պարզացման վերաբերյալ:

Ժողովածուում իր առանձնահատուկ տեղն ունի նաև հայ միջնադարյան գրականությունը: Համարելով, որ վերջինս հանդիսացել է արևելյան դասական պոեզիայի բաղադրիչ մասը, Վ. Բրյուսովը գտնում է, որ հայ միջնադարյան գրականությունը, ինչպես նաև ամբողջ արևելյանը, մեծ դեր են խաղացել եվրոպական Վերածննդի նախապատրաստման գործում, քանի որ հենց արևելյան ընթերցողների ստեղծագործություններում է համաշխարհային գրականությունը նոր վերելք ապրել: Դրա հետ մեկտեղ Վ. Բրյուսովը ընդգծում է հայ գրականության նշանակալից դերը այդ դարաշրջանում, որը կուսող օղակ էր Արևելքի և Արևմուտքի միջև, իսկ Վերածննդի նախօրեին արևելյան մշակույթի գեղարվեստական նվաճումները փոխանցում էր եվրոպական ժողովուրդներին:

¹⁶ Там же, т. VII, с. 214.

¹⁷ Там же, с. 262.

¹⁸ Там же.